

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей. Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 68 (775)

10 декабря 1938 г., суббота

Цена 30 коп.

За пять дней

ПОДГОТОВКА К ШЕВЧЕНКОВСКИМ ДНЯМ В ЛЕНИНГРАДЕ

Беседа с Мих. Зощенко

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Как собралось уже в «Литературной газете», в Ленинграде при союзе советских писателей организован юбилейный шевченковский комитет. Председатель комитета М. М. Зощенко в беседе с нашим корреспондентом о первых итогах работы сказал следующее:

— Ленинградские писатели готовят новые переводы из Шевченко, а также ряд оригинальных произведений, посвященных великому украинскому поэту. Этой творческой работой заняты сейчас А. Прокофьев, Н. Браун, М. Комиссарова, Вс. Роджественский, В. Болдвинский. — Я, — говорит Мих. Зощенко, — пишу повесть, охватывающую всю жизнь Тараса Шевченко.

Юбилейный комитет систематически знакомится со стихами и прозой, готовящимися в Ленинграде к шевченковским дням. Некоторым писателям для успешного завершения работы предоставляются творческие командировки на Украину, в шевченковские места.

Однако подготовка к 125-летию со дня рождения Шевченко не может ограничиться рамками одного лишь союза писателей. В наш юбилейный комитет вошли не только писатели, но и художники, музыканты, архитекторы, представители научной общественности. Шевченковский юбилей будет всенародным праздником во всей Советской стране, и Ленинградом особенно памятно, что наш город тесно связан с большим периодом жизни и творчества замечательного поэта украинского народа.

Юбилейным комитетом разработан план общегородской шевченковской выставки, для которой предоставляются свои залы Этнографический музей. Выставка залюма очень интересно: жизнь и творчество Шевченко показаны будут на широком историческом фоне. Имеется множество экспонатов, рисующих искусство и культуру эпохи Шевченко, крепостной и помещичий быт этой эпохи, взаимную связь национальных культур русского и украинского народов и т. д. Специальные семинары подготовят для экскурсоводов.

Шевченковские дни в Ленинграде, считаем мы, следует отметить и общегородским торжественным вечером-концертом. В программу этого вечера должны войти лучшие переводы Шевченко, новые произведения о Шевченко и музыка крепостных того времени, в частности симфония, написанная крепостными музыкантами.

Планы разработаны. Но, разумеется, осуществить их силами и средствами одного союза писателей трудно. Необходимо, чтобы ленинградские организации уже сейчас включались в подготовку к шевченковским дням в Ленинграде. Времени осталось не так много, надо немедленно приступить к практической работе.

ОБСУЖДЕНИЕ ПЬЕСЫ З. САМУЙЛЕНКА

МИНСК. (Наш корр.). В союзе советских писателей Белоруссии состоялась читка новой пьесы Эдуарда Самуиленка.

Тема пьесы Самуиленка — советский патриотизм, беззаветная преданность советских людей своей великой родине. Действие происходит в одном из пограничных колхозов Белоруссии.

Выступавшие отмечали, что хорошее знание материала, острая наблюдательность помогли Э. Самуиленку создать яркие образы. Таковы — животновод Давыд, заводящая птицеферму Степанида, рыбак Анисим, начальник заставы Усенок.

В обсуждении пьесы Самуиленка приняли участие тов. Земцев (зам. начальника белорусского управления по делам искусства), режиссер Санников, тт. Романович, Послядович, Лыньков, критики Модел, Кучар.

По единодушному мнению всех выступавших, новая пьеса Самуиленки — большая удача писателя.

КОНКУРС НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Вчера в Малом зале Консерватории начался третий тур Всеююзного конкурса народных инструментов.

Большее двухсот балалаек и домр послано на этот конкурс лучшие советские мастера, наши фабрики и кустарные мастерские. На третий тур жюри отобрало четырнадцать домр и десять балалаек.

На всех этих инструментах артисты Калеевоты и Филин исполнили одни и те же пьесы. Таким образом, жюри, сравнивая звучания каждого инструмента, должно определить лучшие из них и отобрать «лауреатов» для финального тура.

По решению жюри уже премированы мастера шести лучших балалаек. Первую и вторую премии разделили Савицкий и Сотский. Третью премию получил Сигирев; четвертая и пятая разделены между мастерской харьковского Дома Красной армии и мастерской Ленинградской консерватории; шестая премия присуждена Малюкову.

Третий тур заканчивается сегодня, после чего пять лучших домр и пять лучших балалаек будут премированы.

Над чем работает А. Н. Толстой

В течение нынешнего года А. Н. Толстой работал над пьесой «Путь к победе» (которая раньше условно называлась «Полудень 14 декабря») и над антифашистской комедией-памфлетом «Чортос мост».

Пьеса «Путь к победе» принята к постановке театрами им. Вахтангова, Революции и им. Моссовета в Москве, театрами им. Пушкина в Ленинграде, Киевским театром им. Шевченко и другими периферийными театрами. Несколько дней назад начались репетиции в театре им. Вахтангова, который покажет пьесу в конце апреля — начале мая будущего года.

«Путь к победе» в Ленинградском театре им. Пушкина ставит режиссер В. Э. Мейерхольд.

ОПЕРА «МАТЬ» В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ СССР

Большой театр Союза ССР принял постановку оперы Желобинского «Мать». Режиссер постановки т. Шарашдзе и художник спектакля т. Волков выезжали в Горький и Сормова, где ознакомились с обстановкой, в которой происходило действие пьесы «Мать». Они провели беседы со старыми рабочими и собрали интересные литературные материалы. Узнав в Сормова, что П. А. Заломов — прототип героя пьесы «Мать» Павла Власова, живет в г. Суджа Курской области, постановщики спектакля пригласили П. А. Заломова приехать в Москву для участия в постановке оперы. П. А. Заломов ответил работникам Большого театра письмом, отрывки из которого мы публикуем ниже.

«По состоянию своего здоровья я выехать в Москву не могу. Что касается вашего приезда, то о каких-либо вознаграждениях с моей стороны не может быть и речи. Ко мне люди приезают запросто, без всяких предупреждений...»

Основной повестью Алексея Максимовича Горького «Мать» является соромовская политическая рабочая демонстрация 1 мая 1902 года, а также жизнь нашей соромовской ячейки революционно-марксистской организации.

Прототипами горьковской матери и Павла Власова является Анна Кирплондова Заломова и П. А. Заломов, о Алексее Максимовиче не дал точных копий с меня и моей матери, а создал художественные образы, которые резко отличаются от своих прообразов.

На своей даче в Куоккало (Финляндия) Алексее Максимовиче составлял по моим рассказам, записки, но эти записки были отобраны у него при обыске полицией.

Свою повесть Алексей Максимович писал уже по памяти.

Моя мать была робкой, заботливой. Она как огня боялась своей суровой матери, боялась моего отца, когда он был пьяным. Но его требованию она сама пачкала в заклад на вилку все, что было можно, не осмеливаясь перечить отцу, который в пьяном виде мог убить за одно слово.

Под влиянием идей Маркса—Энгельса—Ленина моя мать стала неузнаваемой, она буквально переоделась. Она сама прятала мою нежелательную литературу.

Когда она возила большой тюк прокламаций в Иваново-Вознесенск, то умышленно влезла в тот вагон, в который вошел жандарм, сузнула под скамейку зашитый в рождоу тюк прокламаций и со словами: «Ну-ка, сынок, подвинься!» села рядом с жандармом и занимала его всю дорогу разговорами...»

НОВОЕ ЗДАНИЕ ТЕАТРА ИМЕНИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

Москвичи, проходя по Пушкинскому бульвару, обращают внимание на новое красивое здание. Это реконструированный театр Станиславского в декабре театр открыл свой сезон оперой «Кармен».

Чтобы иметь представление, каким бы новым большим театральным зданием обогатилась столица, привелись несколько сравнительных данных о старом и новом зданиях театра им. Станиславского.

Небольшая сцена площадью в 110 кв. метров, шириной в 13,5 метра, зрительный зал, в котором театр был раньше, была неудобна для артистов, узкий гардероб, — вот что три года назад представляло старое здание театра им. Станиславского.

Сцена реконструированного театра им. Станиславского занимает по площади 655 кв. метров (почти в пять раз больше старой сцены театра). Ширина сцены — 25,5 метра, высота — 23 метра. Сцена театра полностью механизирована.

Свыше 1400 мест имеет новый зрительный зал театра. Удобное расположение зала амфитеатрально (партер и балканы) дают возможность зрителю в любом месте видеть все происходящее на сцене. Амфитеатрально освещают 16 ламп. Прекрасное освещение и светлое оформление зрительного зала придают ему праздничный вид.

1300 кв. метров площади занимают семь фойе и клубных театров.

Реконструкция театра им. Станиславского проведена в течение трех лет. Театр построен по проекту архитектора А. Н. Федорова при участии главного инженера — архитектора Б. С. Радунского. Строительством театра руководил А. Л. Голоступец.

В конце декабря театр покажет премьеру советской оперы молодого композитора Л. Степанова «Дарзаское ущелье». Эта постановка — посерная работа К. С. Станиславского — осуществляется усилиями оперы И. М. Тумановым и М. Л. Мельцером.

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА ТЕАТРА ЭСТРАДЫ И МИНИАТЮР

15 декабря в Москве открывается Государственный театр эстрады и миниатюр (ул. Горького, 15). В помещении театра около 800 мест. В нем будут проходить ежедневно два сеанса.

В первой программе театра: небольшая пьеса Рамоны Сендера «Тайна», оформленная испанским художником Альбертом Салчес, театральным фильмом Г. Рыжкова «Сильна, как сталь...» (о перестройщиках), оперета Иогана Штрауса «Тонкая дипломатия», хореографическая шутка «Резиновый брат» и интерлюдия Е. Вермонта, Л. Лепса, Р. Зеленой, В. Пипоты и Я. Рудина «Антракт без антракта» и сатирические куплеты в исполнении заслуженного артиста УССР И. Набогова.

На вечере в Колонном зале Дома союзов, посвященном творчеству Джамбула, народному акыну Казахстана была преподнесена картина художника Сереженко «Пушкин». На снимке — Джамбул у картины.

★ ★ ★

На вечере Джамбула

Широкая популярность Джамбула Джабаева предопределила успех этого вечера. В Колонный зал Дома союзов 8 декабря пришли люди, влюбленные в поэзию мудрого пения из далекой казахской степи, люди, помнящие наизусть плавную и величавую мелодию его песен, люди, восхищенные юным пением девятнадцатилетнего старика, разделяющие с ним его антагонизм гражданства и строителя социалистической родины.

Вот глубоко знаменательная и непотопоримая черта нашей эпохи — поэт Казахстана, обретший на сцене лет новые силы для новых песен, воодушевляет своими импровизациями население величайшего, самого передового города, собирает в этом городе — одним своим именем — взволнованную, жаждущую, воодушевленную аудиторию.

Большая речь Леониды Соболева, открывшего вечер, была посвящена жизни и творчеству Джамбула, истории почти всякой жизни простоявшего акына и акылаку его творчества — от первой песни, которую сложил 76 лет назад Джамбул, до сегодняшних гимнов, пропетых им в честь социалистической Москвы. Поэтическая жизнь Джамбула не была непрерывной. 55 лет, после короткого страдания по степи, он замолчал, его руки оставили домру. Казахское, великий

родник его таланта поск. Но произошло необыкновенное. После многих лет безмолвия поэт заговорил снова. Бурным потоком полились его песни, и, казалось, Джамбул никогда не знал усталости. Вот уже почти два десятилетия звучит неумолимый и мужественный поэтический голос акына. Он возродился, Джамбул, и мы знаем, песни его не умрут в веках. В песнях призывала его революция, новая, счастливая жизнь народа.

Джамбул вышел на трибуну Колонного зала — древний старик, с серебряной бороной, окаймляющей смуглое лицо, и порты глубоких морщинами, — и зоркими глазами джетыя степей оглядел ряды, гремящие приветственной овацией. Он ответил на приветствия широко, величавым и в то же время дружелюбным, идущим от сердца, движением руки. Ему придвинули кресло, он сел — все видели, что Джамбул утомлен; он продолжал пристально взгляды в глубины зала — все видели, сколько молодого, неутоленного интереса в его глазах, которыми он так жарко впитывает все новые впечатления.

Потом читали стихи С. Васильев — «Застольную речь на юбилей Джамбула», Гасем Жахути — «Письмо Джамбулу» (на фарсиском языке), Николай Ситиренко, киргизский поэт Маликов — «Встреча в Москве». Все славил Джамбула, ста-

рейшего среди поэтов, мудрого и юного бойца большого поэтического фронта. Джамбулу преподнесли халат, сверкающий многоцветной и причудливой вышивкой. При горячих аплодисментах публики он принял подарок.

Марк Тарковский прочитал свои переводы прекрасных стихотворений Джамбула — «Аксайлау Калынушу» и «Шаоерам Украйны».

Затем народному певцу преподнесли еще один подарок. Это был большой портрет Пушкина. Великий казахский поэт долго смотрел на изображение гениального русского поэта, который более ста лет назад, но совсем незалого до рождения Джамбула, пророчески предсказал свою будущую славу среди народов России. Этот момент был как бы кульминацией вечера, и долго неумолкавшие аплодисменты показывали, что всем понятен глубокий смысл этой встречи Джамбула с Пушкиным, встречи величайшего гения русской поэзии с прославленным казахским певцом.

Прекрасное впечатление оставило последнее стихотворение Джамбула — «Привет тебе, Москва моя!», прочитанное переводчиком Павлом Кузнецовым.

Джамбул попросился с участниками вечера, провозгласив приветствие от имени казахского народа социалистической Москве и великому Сталину.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

КАВКАЗ

Кто даст главе моей воду к очесам моим источник слез, и плачуща и день и ночь о победных... Иеремия, гл. 9, стих I

Искреннему моему Якову де Бальмену

За горами горы, тучами обвиты, Засяны горам, кровию облиты.

Спокою века Прометея Там орел карает, Кто ни день, долбит он ребра, Сердце разбивает. Разбивает, да не выльет Крови животворной. Крови и вновь смеется сердце И живет упорно. И душа не гибнет наша, Не слабей воля, Ненасытний не распашет На дне моря поля. Не скует души бессмертной, Не осидит слова, Не охает славы бога, Вечного, живого.

Не нам с тобой затеять распря, Не нам дела твои судить. Нам только плакать, плакать и плакать И хлеб насущный замесить Кровяным потом и слезами. Кат издевается над нами.

А правда — спать и пьяной быть. Так когда ж она проснется? И когда ты ляжешь Опончить, усталый боже, И нам жить укажешь? Верим мы творческой силе Господа-владыки.

Встанет правда, астанет воля! И к тебе, великий, Встанут ратью все народы. Вовек и веки. А пока — струятся реки, Кровяные реки.

За горами — горы, тучами обвиты, Засяны горам, кровию облиты. Там божея милостию мы Отняли у голодной голи Отняли у голодной голи Все, что осталось — вплоть до воли — И вновь травим... Легло костым Солдат муштрованных немало.

А слез! А крови! Напоят Всех императоров бы стало, Князей великих утопят В слезах вдовиц! А слез девичьих Ночных и тайных слез привычных, А материнских горьких слез, А слез отцовских, слез кровяных! Не реки — море разлилось! Пылающее море... Слава Борьзам, и гончим, и псарям, И нашим батюшкам-царям — Слава!

Слава синим горным кручам, Лениками скрывать! Слава витязям великим, Ботом не забывым! Не славетесь победителю! Бог нам помогает, С вами правда, с вами слава, С вами мощь святая!

Чурек и сахла — все твоё, Не выпрошенное мольбами. За хлеб, за жалкое жильё Не закуют тебя цепями. Постуай! Грамотей мы, Читаем господа гагаюлы, — И от казармы и тюрьмы Вплоть до высокого престола — Мы ходим в золоте — и голя.

'К нам в обученье! Мы содем, Научим вас, хлеб-соль подем, Мы христиане: храмы, школы, Все блага мира есть у нас. Глаза нам только сажая колет: Зачем она стоит у вас, Не нами данная и то, Что солнце светит нам бесплатно, Не нами сделано... зато Чурек не киеш нам обратно, Как псам... И хваит. Мы не турки, Мы христиане в Петербурге, Мы малым сыты... А за то, Когда б вы с нами подружились, — То много и простор на то, Одна сибирская равнина, — А тюрем сколько! А войска! От молдавнина до финна — Все языки — без языка: Все благоденствует. У нас Святыню библию читает Святой чернец и поучает, Что царь свиней когда-то пас, С женой приятеля спонзился, Убил его, но лишь скончался, — И в рай попал. Вот как у нас Пускают в рай! Вы не ученые, Святым крестом не просвещены... Но мы научим вас!... Кради, Рви, забирай — И прямо в рай,

Да и родню всю приводи! Чего мы только не умеем, — Считаем звезды, греку семя, Браним французов. Продаем, Ишь, в карты проиграв, суем Людям... не negroв, а своих, — Хоть и крещеных, — но простых. Мы не плантаторы, не станем Мы краденое покупать, Как те купцы! Мы по закнью! По апостольскому заветам Любите вы брата! Суесловы, лицемеры Господы прокляты! Возлюбили вы не душу, —

Шкуре братней рады. И дерете по закону: Дочке — на наряды, На жите — сынкам побочным, Жене — на бражки, А себе — про то не знаю Ни жена, ни детки. За кого же вы ты спяте, Син едний божий, Вы и скнутые нам? За слово Истинны? Иль, может, Чтоб гламулене не кончалось? Так оно и сталось!

Часовня, храмы и иконы, И жар свечей, и мирры дым, И перд образом твоим Неумолимые поклоны — За кражу, за войну, за кражу — Ту братскую, что лют кровью, — Вот он, дареный палачами С пожара краденый покров! Простелись! И решаем Свет открыт и этим Показат нам солнце правды — С ним незрячим детям Все покажем! Только дайте В руки нам, и тут же — Как прочнее строить тюрьмы, Плеть нагайки туже, Кандалы ковать, носить их В сибирскую стужу, — Все поймете, только дайте Родимые взгорья. Остальное мы забрали — И поля, и море.

И тебя загнали, друг и брат единый, Икой мой хороший! Не за украин, — За ее тирана довелось пролить Столько честной крови! Довелось Испить Из царевой чаши северной отравы, Друг мой незабвенный, истинный и правый! Мчись же с казаками по-над берегами, Старые курганы озирая в степи, Закрепи слезами дружбу с казаками Жди меня из ссылки, время торопи!

А покуда — мои думы, Лютые незгоды Буду сеять я. Пусть крепнут В споре с непогодой. Украинский тихий ветер Принесет с росью Краткому другу думы Братскому слезую. И когда на них ты взглянешь И читать их станешь, — Вновь курганы, степи, горы И меня поманешь.

18 ноября 1845. Пересалять.

Перевел с украинского П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

«Горький и его время»

А. ДЕРМАН

Вы принимаетесь за эту книгу, и с первых страниц вас встречают сведения о чем-то вроде прошлого года. Медальки сообщения о количестве сногачей, печников и красильщиков в Нижне-Новгороде в 40-х, 50-х и 60-х годах прошлого века. Далее — изложение статей некоего Жукова из газеты «Нижегородский Биржевой Листок» примерно тех же отдаленных времен. Затем — пространное донесение о торговле дубовыми изделиями в 70-х годах, с изложением содержания некоторых из них. И так далее, и так далее. Словом, как на подбор — тот литературный материал, о котором говорится в устах суровых редакторов фраз: «Кому это нужно? Кому это интересно?». Но — странное дело! — вы не можете оторваться от книги и глотаете страницу за страницей постыдно с жадным вниманием.

У нас сейчас в большой моде предисловия. В них зачастую автор предупреждает читателя о том, что он должен найти в книге. Но тов. Груздев очень хорошо поступил, что без всяких предисловий, просто и непринужденно приступил прямо к делу. С его стороны требовалось для этого известное мужество, ибо он шел на риск, что читатель может проинтересоваться претензиями у автора за отсутствие у него плана. И в отношении читателя невнимательного риск этот вполне реален. Но читатель мало-мальски внимательный поймет, что Груздев построил свою книгу по очень интересному замыслу, а что замысел этот он выполнил прекрасно, и вы скажете, принимая в воображение большую трудность дела, — в целом блестяще, хотя и с рядом неизбежных промахов.

Этот замысел ни разу не сформулирован автором на протяжении книги, но он совершенно ясен: воспроизвести перед читателем ту реальную историческую обстановку в ее главнейших аспектах, которая естественно и закономерно породила Горького, подобно тому, как из переполненного раствора сам собой «выпадает» определенной формы кристалл.

Сложность этого замысла трудно преувеличить, особенно если принять во внимание, что речь идет не о каком-то небольшом и притом статистическом застывшем уголке жизни, не об архаическом музее или музее. Речь идет, ни много ни мало, об исторической динамике российской провинции последней четверти XIX и начала XX века. На фоне широкой картины этой провинции должны быть, по мысли автора, выделены главные ее черты, ее особенности, ее развитие. Первые резкие очертания трагической-олигопной детской фигурки. Далее должен быть на глазах читателя совершается духовный рост этой детской фигурки до ее позднейших гигантских размеров.

В результате методического выполнения этого замысла мы имеем книгу, прежде всего, совершенно исключительную трудоемкости. На последнем ее листе выставлена дата: «1933—37 гг.». Другими словами, автор работал над нею пять лет. И надо думать — очень напряженно работал.

По всем биографическим линиям Горького он прошел самостоятельным путем, обратился прежде всего к тем сырым материалам и первоисточникам, исследование которых дает право на независимое от предшественных работ выводы. Всем известно, что дел Горького, Башкири, принадлежал к разряду зажиточных, но затем разорившихся цеховых мешач. Груздеву этого мало. По книгам окладных сборов, по газетным публикациям, по старым статистическим материалам, по отрывкам сведений случайного характера, ушедших в частные письма, в воспоминания современников, он проследил экономическую историю рода Башкириных, устанавливает закономерности в его возвышениях и падениях и развертывает точную, умело обобщенную картину жизни предков Горького, дающую ясное представление об атмосфере, окружающей его ранние детские годы. И точно то же относительно школы, в которой обучался Алеша Пешков, то же о людях, у которых он работал («малычком»). Говоря о раннем чтении Горького, Груздев не ограничивается тем, что кропотливо проверенным списком прочитанных Горьким книг, но производит прекрасный анализ тогдашней дубовичной литературы, устанавливает ее политико-социальные тенденции, намечает в ней те изменения, которые вызывались социально-экономическими факторами.

Илья Груздев. Горький и его время. Том I. Государственное издательство «Художественная литература». Ленинград, 1938.

Имена перемены в стране. Автор, опять-таки по первоисточникам, набрасывает картину позднего народничества и его наиболее типичных представителей. Переходя к переходному моменту в истории роста революционных отношений, Груздев дает изображение стачечного движения в России.

Вполне правильно учитывая, что в биография писателя с особенной отчетливостью должны быть освещены моменты, рисующие отражение жизни страны в художественной литературе, Груздев проанализировал творчество целого ряда писателей прошлого, от самых крупных до давно забытых третьестепенных, но для своего времени характерных. Он не ограничился при этом их характеристиками, запротоколированными в разного рода справочниках или в старых критических работах, а изучил главнейшие произведения этих писателей и осмыслил в своих выводах их запяленные временем портреты. Эта часть работы Груздева особенно ценна и заслуживает сугубого признания, и не потому только, что она имеет свое самостоятельное и не малое значение, а потому еще, что вся эта, на девять десятых прочно позабытая литература, ведь и была той духовной пищей, которую питался молодой Горький, созревая на ней и в том случае, когда он ее усваивал, и тогда, когда он ее преодолевал и отбрасывал.

И когда в результате всех этих кропотливых, идущих по самым различным биографическим линиям изысканий автор делает вывод, то читатель воспринимает его как правомерно выведенную сумму ясных слагаемых.

Характерно для новизны биографических приемов Груздева, что и самые недостатки его книги являются в сущности эти приемы. Как известно, всякий изобретатель склонен увлекаться применением своего открытия далее пределов целесообразности. Не избежал этой опасности и тов. Груздев. Смело идя по пути накопления фактов, лишь на первый взгляд не всегда прямо ведущих к определенным биографическим выводам, но затем, в совокупности, раскрывающих свое значение, он все же нередко увлекается самодовольной бездумностью, а порой и самодельной завышенностью этих фактов и тем самым угрожает риску ненужными строгими, лишь отвлекающими внимание читателя. Такова, например, сама по себе очень интересная, но абсолютно ничем с биографией Горького не связанная история несчастной любви пионера революционного марксизма в России Н. Е. Федосеева. Или, например, явно вздорные рассказы некоего Баландина о похождениях молодого Горького. Еще можно было бы оправдать цитату из них в несколько строк в качестве иллюстраций тех небывших, которые в изобилии распространены о Горьком. Но несколько страниц книги для текстового воспроизведения этой болтовни — вещь совершенно ненужная. Точно так же никакой необходимости не было воспроизводить письмо какого-то поклонника писателя Чирикова к последнему, которого, кстати сказать, Груздев вполне ошибочно возводит в ранг «кумира либеральной интеллигенции». Никакого и ничьим «кумира» Чириков не был. Таких мест в книге не мало, и она, несомненно, выиграла бы, избавившись от них.

Ненужность их особенно рельефно выступает на фоне чрезмерной едкости, проявляемой биографом в ряде других случаев. Так, ничем нельзя оправдать отсутствия в книге биографии Каложного, человека, крупная и благотворная роль которого в литературной биографии Горького так подробно и досконально описана т. Груздевым. Или как досадна едкость автора, когда он цитирует высказывания Чулукидзе, послужившего Горькому прототипом для героя его рассказа «Мой спутник». Груздев опустил в его рассказ самое ценное: те места, где его изложение расхопится с горьковским. Если это сделало автором из чувства шпитекта, то нельзя не признаться, такого рода шпитекта, как вельсери Чулукидзе и Горького должны расхопиться, потому что Горький писал не отчет или корреспонденцию о своем путешествии в Чулукидзе, а рассказ, в котором авторский вымысел такая же «правда», как и непререкаемые факты. А между тем эти «спровержения» героя весьма лю-

бытными: они могут показать, как «факты» претворяются у писателя в «образы». Очень ценно стремление биографа объяснить те или иные разрывы в биографических материалах, в запутанных или туманных эпизодах прошлого, имеющих касательство к жизни Горького, и т. д. В этом направлении усердие и трудолюбие его не имеет границ. Но порой, не ограничиваясь реальными фактами, он пускается в домыслы, которые приводят его к затеям, к промахам. Такими его промахами и неудачными гипотезами о разрыве в материале по поводу чужного бунта на Северном Кавказе, свидетелем которого был Горький: разорочены таковыми и осталось, несмотря на натянутые гипотезы об их происхождении, а изложение затронуло целый ряд увеличивая в сторону страны. Иногда автор пускается в очень сложные объяснения, между тем как ларичи открываются просто. Так, изложив историю с попыткой Горького застрелиться, Груздев замечает: «По этому делу не кончилось. Необычайная запись странного рабочего обеспокоила людей, которым принадлежала весть благонадежного направления умов». Далее приводится постановление казанской конистория. Но одной совершенно достаточно, чтобы видеть, что конистория занялась покушением Горького на самоубийство вне всякой зависимости от содержания записки, которую Горький написал перед тем, как стрелялся: в конисториям постановлено находится прямая ссылка на первоначальный закон. Согласно последнему, всякий самоубийца подлежал суду. Особенно изобилует домыслами и натяжками глава, посвященная характеристике творчества Чехова, — одна из наименее удачных в книге.

Не останавливаясь на промахах мелкого характера, мы не можем не указать, что стиль книги местами тяжеловат, искусственен, нечеток, громоздок. Мы отказываемся верить, чтобы в книге о таком стилисте, как Горький, написанной таким прекрасным биографом, как Груздев, были бы уместны выражения вроде следующих: «Такою же, может быть более откровенно, первобытною жило и мелкое мешанство, примыкавшее к купцу, как к потлоку своего социального мира» (16). Или: «... движение романа... подобно было трехмерному движению маятника...». Почему движение маятника может быть названо трехмерным? Литературный механизм романа вне занитересованности читателя лириками заданиями авторов отключается действовать» (41). Это просто непонятно.

Некоторое недоумение вызывает параллельное повторение в примечаниях тех или иных (зачастую весьма значительных по размерам) выдержек из произведений или писем Горького, помещенных и в основном тексте (см. стр. 8 и 385; 340 и 507 и др.). Здесь, кстати будет отметить, что, вообще говоря, т. Груздев прекрасно владеет искусством цитирования: подоб выдержек из произведений Горького, зачастую совершенно неизвестных или, во всяком случае, малоизвестных, из его писем, в том числе из целого ряда писем Алексея Максимовича к самому Груздеву, в которых великий писатель отвечал на прямые запросы своего биографа по поводу различных моментов своей сказочной жизни — подоб от этих выдержек сделан с большой искусством и чувством меры, с большой любовью к горьковским текстам. Надо впрочем сказать, что вся книга в целом пронизана огромной любовью к Горькому, и нельзя сомневаться, что именно это вдохновило автора на его многотрудный, сложный, упорный труд.

Еще два слова «в сторону». Перед нами — только первый том труда, которому, несомненно, предстоит разрастаться в многотомную монографию. Внимательно читая его, убеждаешься, что по своему характеру он представляет собой некую систему подробных «примечаний» к хронологически расположенным моментам из жизни Горького. Сейчас у нас замечается некоторая тенденция к огульному отрицанию пользы примечаний. И мне кажется, книга т. Груздева очень своевременно напоминает, что здесь, как и в оценке всех других видов литературного творчества, огульные отрицания менее всего уместны и что «примечания», если они умело сделаны и правильно применены, могут быть чрезвычайно ценны и полезны, как бы ни были они пространны.

Из прочитанного за последние месяцы очень немногое привлекло так, как «Знаписные книжки» Ильфа. Читателям известна пока лишь часть этих заметок, появившихся в «Литературной газете», но и это немногое пленяет тонкой и умной наблюдательностью и какой-то благоуханной свежестью и чистотой. В потоках заливающего мысль готового, чужого, навязанного не так просто провести грань между самостоятельным найденным и усвоенным, и Ильф отлично определяет: «Очень легко писать: «Луч солнца не проливал и его жаром». Ни у кого не украдено и в то же время не свое». Но когда сам он смотрит в жизнь, его впечатление прежде всего индивидуальное. Он записывает:

«Снова вечер, и голубой самоварный дым стелется между дачными соснами». Какие обыкновенные слова и черточки, но ни одного слова из книги — и все пасквильное свое. Задумываешься пред этим бытовым пейзажем, переживая его и воспринимая как законченную художественную миниатюру. По назначению она как будто должна войти в какое-то более значительное целое, сростись с ним, ослабится по взаимному оплодотворению; но в этом нет необходимости: лирический момент пережит, художник сказал вам нечто свое и, стало быть, обогатил новым. Искусство сделало свое дело.

Когда-то не мог и встать вопрос о литературной самоценности такого обрывка, записки для памяти, эпизода с неизвестным названием: отчетливая грань проходила между сырым и обработанным созданием. Все знало, что «гений есть терпение», и терпение это было относительно к той стадии, когда произведение вчерне готово, и предстоит его окончательная чеканка. Но в искусстве есть развитие, есть жизнь и движение, — и законченность формы, завершенность структуры не есть нечто абсолютное, нормированное и неподвижное. Всецело рассчитанное на художественное восприятие, на сотворчество читателя, зрителя, слушателя, искусство никогда не дозрывает до конца. Чем дальше, тем сильнее, то-есть содержательнее, становится в наше время формула в науке и сосредоточенная форма в искусстве. Там, где раньше мысль читателя требовала полноты и подробностей, развития и разъяски, он готов теперь удовлетвориться намеком. Чехов пишет драмы «без конца». Родан оставляет куском камня половину статуи, Стравинский оставляет символическое создание без традиционного финала. В советском творчестве художника и его публики намек вырастает в законченное целое. Провинциально рассудочной мысли Вера Милославская с отбитыми руками представляет извученной каледой, но зритель, сумевший жить в творческом полете, ее перерабатывает, воспринимая ее в полноте ее образа, отбываясь от ее уединенности, или не замечая ее. И не только на пластических обломках древности можно это проверить, но и на поэтических. От лирики Сафо остались отдельные строфы и стихи, но обратившись к их тексту, и вы убедитесь, как часто ключ, вырванный из стихотворения, из организма, когда-то цельного и живого, имеет, как бы в силу какого-то почкования, свою жизнепринадлежность, свою предельность и законченность.

Я не знаю и не хочу высказываться, какая доля принадлежит лично Ильфу в творческом богатстве двоявтенного коллелива, одним из создателей которого он был. Я просто радуюсь умножению этого богатства, в котором продолжаю ощущать ту же единую личность, что и в законченных созданиях этого литературного содружества.

«Газетный киоск на станции Красково. Широкой и стоящей между перронтами с-

Записи Ильи Ильфа

А. ГОРНФЕЛЬД

сен. Газет нет совсем, имеется журнал «На суше и на море» за июль прошлого года, журнал «Ворошиловский стрелок», книжка на еврейском языке, химические карандаши «Кошпрка» и детские краски на картонных палитрах. Таким образом, узнать, что делается на суше, на море, на воздухе и на воде, нельзя, зато для этого поехать в Москву. Солнце озаряет сосны, от сухого запаха разгоревшейся хвои в горле невозможно пережить. Мимо на тяжелых ведоснедах едут мальчики. Они счастливы. Да, еще продают приборы для очков карандашей под названием «Кашпр-во». Все».

Поистине все: полная гармония деталей, превосходно подобранный ассортимент выразительных ненужностей, предлагаемых пассажиру, томительность пребывания на маленькой станции, подчеркнутая сухим запахом разгоревшейся хвои. И как удачно подмечено и подчеркнуто то, что мальчики едут на танцевальные вечера. Наконец, чтобы отменить бесцельность рассказа, — приборы для очков карандаша, забытые в переноску, всплывают в памяти в конце. Здесь все просто, и все — искусство, наблюдательность, умение.

Или юмористические характеристики: «Он, как ворона, взгромоздился на кафедре и заболтал: «Семидесять и пятьдесят процентов»... Когда он окончил доклад, то тем же вороньем сумрачным голосом возгласил: «А теперь, ребята, приступим к веселью».

Требуют ли какие-либо пояснения, какая-либо фабула? Типична встал во весь рост, — и как законченный тип приемлет его читательская мысль, радостно воспринимая везе, где есть искусство. «Ляля Сапа, бывший укротитель кур и мышей, теперь заведующий театральным сектором дома отдыха. Сколько таких дармоедов в Крым, — еще не подсчитано».

Нужно ли еще что-нибудь прибавить? Вель все дано: тут и быт, и гротеск, и картина, и мораль. Это не фрагменты, не комментарии к автору, это готовые портреты, создания искусства. Микроскопические? Да, конечно. Но как люди, разные в своей творческой ценности, равны в своем человеческом достоинстве, так в искусстве все создания равно суверенны, лишь бы были полны, индивидуальны, закончены.

Записные книжки Чехова давно отучили нас пенить в записях писателя только проза в его мастерскую, только материалы для литературоведа. Конечно, хочется иногда допытаться, какое применение нашли бы та или иная картинка или мысль Ильфа в готовом произведении, в предельности которого она заносилась в книжку. Но чаще хочется чувствовать себя просто читателем, просто жить в атмосфере этой острой наблюдательности, почти всегда социально-направленной, сатирической, и думать вместе с художником.

Пусть эти заметки для личного употребления — только художественные образцы, только орамы искусства. Но, милолето созданные, они предполагают не только зарование, но и предварительную культуру, то есть труд. Искусство не создается мелькающими впечатлениями и записями для памяти: оно требует труда, требует обработки. Однако эти второстепенные требования: не то первоестественно важно, сколько усилий было затрачено на завершение, а какие силы были накоплены для художественного видения, для содержательного образного мышления. Духовное богатство было собрано для отбора

и выражения мелькающих ощущений и мыслей, и в этом богатстве создалась их ценность. «Севастопольский вокзал, открытый, теплый, везданий. Тополя стоят у самых вагонов. Ночь, ни шума ни рева. Поезд отходит в час тридцать. Розы во всех вагонах».

«Все простое, ясное в описании, все известное, и все — открытие именно для того, кому оно известно. Именно тот, кто десятилетия раз уезжал летом вечерним поездом из Севастополя, знает: какая правда, и как все это, многократно виденное, стало новым для меня. И не только новым, но и личным, личными, винтажными».

«Дорога в Руан» — рисунок Ильфа

«Весь здесь пронизано настроением, некрасивым, открытым, очень живым и в то же время очень грустным. Записи вышли из дневника, и в них не всегда разбираешь, что записано для будущей книги, а что для себя. У нас есть ряд замечательных подготовительных писательских заметок, — это записанные в тюрьме словески для «Мертвого дома» Достоевского, есть путевые записки Коренко с впечатлениями в них жемчужинами бытовой наблюдательности и человеческой мысли, есть записные книжки Чехова, столь богатые всеми аспектами подготовительной работы — от примечательного житейского факта до неслетной реплики, от невероятной фамилии до невероятной фабулы. При всем разнообразии этого материала он неизменно имеет в виду дальнейшее творчество: все записано в выданных предстоящей литературной работы. У Ильфа это чувствуется далеко не всегда, целеустремленность отходит на второй план. Он записывает:

«Ветер, ветер, куда деваться!» или: «Прогутка с Сашей в холодный и светлый осенний день. Опрокинутые урны, старые пальто, в тени — замерзшие шляпки, срывающаяся штукатурка на домах. Я всегда любил ледяную красноносую весну».

«Это не для включения в повесть, это не «заготовочка», а раскрытие душевной жизни, это дневник не только писателя, но человека. И человек, которого мы знали по книгам, как умницу, как такового всегда легкого по форме и всекого по содержанию социального обличителя, встает перед нами в своей жланности, в своей трагической ранней гибели и становится таким близким, по-новому любимым. И в ряды незабываемых строк становится запись тихая и страдальческая:

«На площадке играют в теннис, из каменного винного сарая доносится джаз, там репетируют, небо облачно, и так мне грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде». Но не эти лирические мелочи увеселят вня Ильфа. Он останется в литературе как один из создателей причудливого мира сатирической фантастики и карикатурных персонажей, возмалвленных Остапом Бендером, монументальным гротеском, надотто внедрившимся в литературный оборот. И наряду с этими крупными многозначительными образами запоминаются, конечно, и эти стихотворения в прозе, эти миниатюры, раскрывающие читателю и приближающие к нему образ так рано ушедшего писателя.

Б. ЯКОВЛЕВ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ...

Что это такое и на каком это языке? «В поэтическом языке интенсифицировано множество образных грамматических форм... «В нашем языке... продуктивны некоторые суффиксы...» «Очень стояло бы... сделать внимание...» случаям соотношения продуктивности словообразовательной приметы и влияния на фонологическую специфику флексии?»

Рассуждения эти мы почерпнули из журнала «Русский язык в школе». Таковы основные словообразовательные приметы этого органа.

«Вот, с трехом поспом, выбрались читатели из оков субстанциональности», в которые их усердно замывает в своих трудах проф. В. В. Виноградов... После столь уютной процедуры можно и переходить. Не тут-то было! Насторожен другой ученый деятель — Г. Р. Тугуев, требующий немедля «выснить три координаты артикуляции». На посту и Л. В. Перльмютер, трактующий об энциклопедических названиях предложеньях и выявляющий «коммуникативную функцию слова». Ждет своей очереди и Л. А. Булаковский, утверждающий не только «фонологическую специфику», но и «наличие так называемой супплетивности».

мие простые мысли становятся совершенно неразумными, стоит только (как проговорился в своей статье А. Б. Шапиро) «перевести базисное на синтаксический язык».

Таким пчеленорадеальным, поистине «синтаксическим языком» успешно овладели почти все сотрудники журнала. Некоторые из них рассуждают, как тот малопопулярный чеховский профессор, который упорно утверждал, что не Шекспир важен, а примечания к нему. Этого же мнения придерживаются Н. С. Поспелов и А. И. Архангельский, опубликовавшие во втором номере журнала обширные и обстоятельные комментарии и твсту» одного из самых замечательных произведений Маяковского.

Примерно на сотню строчек поэтического текста приходится почти тысяча газетных строк вудного и тоскливого комментария.

«Я к вам пишу в коммунистическое далек» — пророчески обернулась в потомках великий поэт. Поспелов и Архангельский не полагаются ни на поэта, ни на потомков. Комментарии разъясняют. Оказывается, «наречие «далек» выступает здесь в роли существительного, согласованного с прилагательным коммунистическим, и обозначает для Маяковского тот самый коммунистический строй жизни, за осуществление которого он боролся поэтическим оружием».

На таком, примерно, «синтаксическом» уровне выдержаны все «комментарии». Между прочим выясняется, что авторы очевидно не одобряют «мастности физическое облика поэта», с сожалением констатируют, что в его поэтическом языке обнаруживается «грубая, порой вульгарная речь ушны», и высказываются по поводу «узко-личных, резко-индивидуали-

стических импульсов», которые, якобы, уводил Маяковский «с широкой дороги поэтического творчества». Попутно ученые комментаторы демонстрируют элементарную литературную безграмотность. Маяковский, с благородным негодованием великого революционного поэта, писал:

«Нет на пробку карантина —
Мандолинит из-под ствен;
«Тара-тина, тара-тина
Т-и-и-и...»

По авторитетному заключению комментаторов, «строфа эта, как видим, заканчивается оглуленным звукоподражаньем». Откуда это видно? Кто не знает, что Маяковский имел в виду не просто «оглуленное звукоподражанье», а «Цыганский вальс на гитаре» Сельвинского?

Маяковский жестово высмеял «кудриватую Митрейку» совместно с «мудреватом Кудрейкой». Комментаторы сообщают, что «первый из этих поэтов носит опровержение на старое-крестянский лад имя Митрейки, а за вторым скрывается реальное лицо — поэт Анатолий Кудрейко». Комментаторы плохо осведомлены. Вполне «реальное лицо» К. Митрейкина — одного из печальной памяти «сонстропальцев» — «скрывается» и за первым именем. Именные строки Маяковского всегда имеют точный литературно-политический адрес.

Ученые комментаторы, «сроя ардунической вопросом рой», по-своему «истолковали» почти все строчки. Но мимо двух из них прошли их бычок:

«Профессор,
снимайте очки-велосипед!

Я сам расскажу
о времени
и о себе» —
предупреждал Маяковский, — имея в виду ученых деятелей именно такого типа.

Эти пророческие строки в комментарии не приведены...

Трудно Поспелова и Архангельского предвещает в первом номере журнала трактат проф. В. В. Голубова, посвященный поэтическому языку Н. А. Некрасова.

По мнению профессора, «Некрасов позволял себе неумеренное пользование крестьянскими словами, варьируя для этой цели подобранными». Стихотворение «неумеренного» Некрасова, вызвавшее столь суровую профессорскую отповедь, называется «В дороге». Когда, — по свидетельству Панаева, — Некрасов прочел эти стихи Белинскому, у него «заверкалы глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: — «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?»

У В. Г. Белинского и В. В. Голубова разные литературные вкусы, и неудивительно поэтому, что, дав такую, мягко выражаясь, синхронизированную оценку творчеству великого народного поэта, профессор уверенно заявляет, что Некрасов «своел в историю нашей литературы... как поэт-народник».

Редакция не пожалела, видимо, различить автору разницу между «поэтом-народником» и народным поэтом. Что же наша она общего между великим революционным демократом, другом Чернышевского — Некрасовым и фальшивыми «друзьями народа», алейшими врагами марксизма — народниками?

Еще дальше идет в своих изысканиях А. М. Смирнов-Кутачевский. Промахившись пренебрежительно по «стеложному(?)» «близкому стику» русского яноса, автор безжалостно обнаруживает у Некрасова «отсутствие оригинального шпитекта». По

его мнению, эпитеты у Некрасова играют «совсем не выразительную, а скорее какую-то второстепенную служебную роль... Их в сущности и нет».

Расправившись с некрасовскими эпитетами, Смирнов-Кутачевский принимается за некрасовские ритмы. Он вопрошается почему-то «письмовником» Кутчаева и выписывает оттуда нижеследующую пастораль:

«Лишь солнца лучи свет дали,
Пастушки овев погнали
В поля, где были им одним
И там весельем сим протем
Найти себе покой...»

В этих неуклюжих виршах Смирнов-Кутачевский каким-то хитрым способом устанавливает бессловесное «элементарное, тождественное с ритмом поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Он вслед за проф. Голубовым находит в пасторали «то же нарочитое употребление народного языка» и еще раз подчеркивает, что «ритмическая система пасторали и поэмы в основном тождественны». «Все, как в поэме Некрасова», — торжествующе заявляет Смирнов-Кутачевский.

Журнал уже не жалует классиков. Но ведь на уроках русского языка в школе надо что-то разбирать, на каком-то литературном материале воспитывать. Редакция непригодлива. В качестве объекта для грамматического анализа выступает почему-то гротеск Левефилд. Написанные им и опубликованные в «Известиях» отчеты о ходе шахматного турнира особенно рьяно рекомендуются в журнале.

В третьем номере журнала редакция отведет 26 страниц под труд В. В. Данилова, посвященный всевозможным латинским выражениям. Автор этой работы обяс-

ет советским учителям, что столь распространенное в русской литературе латинское выражение, как «Per pedes apostolorum» означает «погами апостолов», а «Tactis consensus» — «по молчаливому согласию», что «sic», «произносится «сык...» и обычно ставится в скобках». Одно из мудрых латинских изречений, которое приводит и Данилов, как известно гласит: «Hominum est errare». Человеку, действительно, свойственно ошибаться и, исходя, видимо, из этого свойства человеческой природы, Данилов немедленно приписывает классический оборот Теренция («Я — человек! Не чуждо человеческое мне вичто») Шпенеру, который лишь реферировал его.

Маркс называл, как известно, афоризм Теренция своим любимым изречением. Но главный источник Данилова, удостоенный «справа метрополита Макария», — труд М. И. Михальсона не содержал отсылок на Маркса... Как бы имея в виду приведенные нами примеры, отдел периодических изданий Училища в конце каждого номера предупредительно приглашает читателей «при обнаружении дафита» в журнале прислать его для обмена по соответствующему адресу. Мы последовали этому совету и перечислили некоторые из обнаруженных в журнале дефектов. Что и говорить, язык и стиль журнала действительно подлежат замене. О преподавании русского языка в нашей школе следует писать не на «синтаксическом» наречии, а на великом, могучем, перестроенном богатом языке Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Горького, Некрасова и Маяковского, творчество которых, все равно не удастся опровергнуть никаким «комментариям»!

Д Ж А М Б У Л Д Ж А Б А Е В

Институт мировой литературы имени А. М. Горького на последнем заседании ученого совета обсуждал кандидатуры в действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР.

бы выразителем советского отношения к героической борьбе Испании. Полный оптимизм, отважный, находчивый, жизнелюбивый, он всегда появлялся на самых неординарных точках фронта.

Негр пел по-английски. Он пел старинную негритянскую песню. «Лет май пилл гоу». — Лет май пилл гоу — дай ути моему народу!

Джамбул. Рисунок А. Панфилова.

ко, приезжая в незнакомый аул, Джамбул заставал уже там свою песню, обогнавшую в степи его худую, шатающуюся клячу.

нет, не прежний, а стократ усилившийся гений поэзии, вдруг нашел в себе силы, поразительные для дряхлого старика, и вновь пленил степь золотыми песнями.

Кандидатуры Михаила Колцова в члены-корреспонденты Академии наук СССР выдвигает И. К. Луппол.

Г. О. Винокур предлагает Ученому совету обсудить кандидатуру М. А. Цыбульского в члены-корреспонденты.

Насегда я запомню этот день, когда негр-студент, лишенный родинки, которая не имеет своего имени, как двенадцать лет назад не имел своего имени Казахстан.

Джамбул сидел на диване в своей круглой кухне с голубым верхом, в халате, на белом шелке которого сияли два орлена.

Ветер сухой мне в сердце хлестал, И засыхала моя мечта. Песню любимую спеть не смог Джамбул в своих дорогих местах...

Вот пример изумительной творческой силы простарелого акына. В декабре прошлого года Джамбул поехал в Ташкент на юбилей Шота Руставели.

Писатель своеобразного стиля, Михаил Колцов является создателем советского фельетона.

Далее обсуждается кандидатура Л. П. Тимофеева в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

От Каспия до Битая, от отрогов Памира до Сибири лежит за Волгой огромная плоская равнина.

Джамбул — понятие беспримерное в истории литературы казахского народа.

К тому времени, когда умер Абай и зажил Джамбул (начало века), казахская поэзия, лишившись этих двух своих гигантов, стояла развалина.

Этим ожерельем поэтических жемчужин, созданных огнем поэзии в течение короткого времени, девятнадцатилетний Джамбул встретил семидесятилетний год своего верного, честного и вдохновенного служения народу.

КАК ЖЕ ПЕРЕВОДИТЬ ШЕВЧЕНКО? Статья третья

Это тоже едва ли приемлемо, хотя бы уже потому, что слово «мама» в русском языке не имеет. Слово «мама» — украинское слово, и притом завуалированное.

Вот и оказывается, что «сиром» и «сиротка» — слова хоть и схожие, но в каких-то оттенках совершенно различные.

только переводчики нашего времени начинают как будто надуваться верное решение этой проблемы. А прежде — как только стилист не навязывали ему лирику!

А Шевченко чрезвычайно удачно превратил Шевченко в Колцова —

С ролною думою по степям я пройду! Сокровище слов — в народе найду. Я песни пою в пыльных сердцах, — И вырастут песни степного певца.

1893 г.

Н. С. Тихонов

45 лет назад, 8 декабря 1893 г., умер Николай Саввич Тихонов, один из виднейших историков русской литературы.

«Новая Москва». Картина художника Ю. Пименова.

Строгий разговор

7 декабря у новеллистов был опять строгий разговор. Первым читал Дм. Стонов. Автор интересного романа «Семья Раскиных» прочитал неутраченный рассказ «Илья Ильич».

ни хорошо известных ему персонажей, — сказал С. Гехт. — Тогда у него появляются и хороший юмор, и выразительный диалог, и точные описания предметов.

В своих историко-литературных работах Тихонов строго следовал этому новому направлению. По выражению проф. Стоженко, он «не любил идти по стезе, пробитой другими, и переживать старое».

В четвертый раз читает у новеллистов свои рассказы С. Бондарин, и почти всегда его произведения вызывают резкие споры.

Тихонов был страстным книголюбом. «Для меня образ Тихонов, — пишет Дм. А. Веселовский, — всего вынуждает рисоваться в рамках его кабинета, где книги отовсюду надвигались на человека».

Самое интересное в рассказе «Илья Ильич» — это то, что автор не только не знает, как жить, но и не знает, как говорить. В рассказе «Илья Ильич» и его жены и дочери.

В МИРЕ КНИГ

Уникальный экземпляр стихов Тютчева

Юбилей Ф. И. Тютчева, который мы празднуем в этом году (135 лет со дня рождения), совпадает с другой юбилейной датой, тоже связанной с его именем.

Интересны события, происходившие вокруг издания этого сборника. Тютчев, весьма требовательный к себе во всем, что касалось непосредственно его творчества, в то же время относился крайне равнодушно к публикации своих стихов.

Тютчев, весьма требовательный к себе во всем, что касалось непосредственно его творчества, в то же время относился крайне равнодушно к публикации своих стихов. Уже с начала его литературной деятельности этим делом занимались исключительно его друзья, сначала его учитель Рачин, затем Погодин и Максимович.

Юбилей Ф. И. Тютчева, который мы празднуем в этом году (135 лет со дня рождения), совпадает с другой юбилейной датой, тоже связанной с его именем. Ровно 70 лет тому назад, в 1868 году, в Москве вышло из печати второе издание стихотворений Тютчева.

Интересны события, происходившие вокруг издания этого сборника. Тютчев, весьма требовательный к себе во всем, что касалось непосредственно его творчества, в то же время относился крайне равнодушно к публикации своих стихов.

«НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ» ВЕЛЕМИРА ХЛЕБНИКОВА

Государственное издательство «Художественная литература» выпускает «Неизданные произведения» Велемира Хлебникова. Это издание вносит существенное дополнение к опубликованному литературному наследию поэта.

Настоящее издание — первый опыт комментированного издания произведений Хлебникова, основанного на критическом анализе текстов.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ И. А. ГОНЧАРОВА

Ленинградский издательский дом выпускает в 1939 году полное собрание сочинений И. А. Гончарова в десяти томах.

СБОРНИКИ СТИХОВ

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшее время выпускает «Стихи и песни» М. Исаковского. В книге три раздела: «Четыре желания», «Песни», «Переводы».

XI НОМЕР ЖУРНАЛА «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В ближайшем времени выходит № 11 журнала «Интернациональная литература». В журнале помещены: новый роман Арнольда Цвейга об оккупации Украины немцами — «Введение на престол короля» (концы романа будут напечатаны в № 12); несколько очерков Э. Хамингуэя, объединенных одним названием — «Оборона Мадрида»; глава из книги Р. Роллана «Матрица» («Застольные беседы»).

ИЗВЕЩЕНИЕ

13 декабря с. г. в 6 час. вечера в клубе писателей (ул. Воробьевский, 50) состоится открытое партийное собрание с участием членов и кандидатов союза советских писателей.

Новые работы Н. Тихонова

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» Николай Тихонов рассказал о своей творческой работе.

Другая моя работа связана с постановкой Ленинградским Большим драматическим театром им. М. Горького пьесы Сервантеса «Нумансия». Эта монументально-народная трагедия в 4-х «хорнадах», только сейчас впервые переведенная на русский язык В. Ястом, рассказывает о борьбе древней Испании с арабами.

В настоящее время я работаю над антифашистским спенарием и книгой, где под общим названием «Кавказ» будут объединены новые стихи и прозаические произведения.

ФИЛЬМ «ПЕРВАЯ КОННАЯ»

Писатель-орденоносец В. Вишневский закончил киносценарий «Первая Конная» (по своей одноименной пьесе).

В картине, отражающей разгром Красной Армией в 1920 году поляков-интервентов, вторгшихся на Украину, зритель увидит автора реального стратегического плана разгрома белополяков — товарища Сталина и товарищей Ворошилова, Каледина и Буденного.

Хроника

М. Зенченко написал сценарий кинокомедии «Ведный Федя». Фильм по этому сценарию будет снимать режиссер В. Корш в киностудии Ветлоскино.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВА, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОИТЕНСКИЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г.

В ближайшем времени выходит № 11 журнала «Интернациональная литература». В журнале помещены: новый роман Арнольда Цвейга об оккупации Украины немцами — «Введение на престол короля».

«НОВЫЙ МИР» ПЕЧАТАЕТ

Произведения советской художественной литературы народов СССР. Произведения советской художественной литературы народов СССР. Произведения советской художественной литературы народов СССР.

НАРКОМПРОС РОСС

Центральные курсы заочного обучения иностранным языкам. «ИИ-ЯЗ» прием на отделение АНГЛИСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ.

КАЛЕНДАРЬ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

Сегодня — творческий вечер Валерии Герасимовой. Обсуждение повести «Хитрые глаза». Председательствует Ш. Павленко.

Письмо в редакцию

Недавно мне довелось прочесть «Хронику» времен Карла IX Пропстера Мериме, вышедшую в 1937 году Детизлатом в переводе и с комментариями Анастасии Виноградова — специалистки по французской литературе и особенно по Мериме. И вот меня, рядового читателя, отнюдь не специалиста-литературоведа, поразила безграмотность и неграмотность переводчика и комментатора.

Седьмой номер «Звеньев»

Возобновляется издание сборников «Звеньев». Последний — шестой — номер «Звеньев» вышел в 1938 году в издании «Академии». Государственный литературный музей, к которому перешло издание этих сборников, подготовил к печати очередной седьмой номер «Звеньев».

Возобновляется издание сборников «Звеньев». Последний — шестой — номер «Звеньев» вышел в 1938 году в издании «Академии». Государственный литературный музей, к которому перешло издание этих сборников, подготовил к печати очередной седьмой номер «Звеньев».

Искаженный Мериме

Недавно мне довелось прочесть «Хронику» времен Карла IX Пропстера Мериме, вышедшую в 1937 году Детизлатом в переводе и с комментариями Анастасии Виноградова — специалистки по французской литературе и особенно по Мериме.

ПАРНОМ ССП

В ближайшем времени выходит № 11 журнала «Интернациональная литература». В журнале помещены: новый роман Арнольда Цвейга об оккупации Украины немцами — «Введение на престол короля».